

**ИГРУШКИ
ИЗ ЧУГУНА.
ПАЦАН**

ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РАССКАЗ О ЛЮДЯХ И СОБАКАХ

АЛЕКС АРКАДЬЕВ

Алекс Аркадьев

**Игрушки из чугуна.
Пацан. Захватывающий
рассказ о людях и собаках**

«Издательские решения»

Аркадьев А.

Игрушки из чугуна. Пацан. Захватывающий рассказ о людях и собаках / А. Аркадьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931353-9

Вся собачья жизнь построена на инстинкте и логике. Исключая лишь любовь к Хозяину и веру в него. «Игрушки из чугуна. Пацан» — первый рассказ из серии произведений о жизни Пацана, умного и веселого ротвейлера, и его боли, радости и цепной жизни в российской глубинке. Рассказ написан благодаря свидетельствам сторонних людей и личным наблюдениям автора.

ISBN 978-5-44-931353-9

© Аркадьев А.
© Издательские решения

Игрушки из чугуна. Пацан Захватывающий рассказ о людях и собаках

Алекс Аркадьев

© Алекс Аркадьев, 2018

ISBN 978-5-4493-1353-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пульсирующая боль опять пришла внезапно, ударила в череп как будто извне и застила глаза красным туманом. Она пробуждает во мне злобу, необъяснимую, как говорит Хозяин, злобу. Приступы не стали чаще, но каждый раз боль всё сильнее бьёт по моему сознанию, заставляя делать то, что не поддается никакой логике. Я не ошибся, именно так, ведь вся собачья жизнь построена на инстинкте и логике. Исключая лишь любовь к Хозяину и веру в него. Боль я перетерплю, не в первый раз; главное, чтобы в злобном забытии я не натворил ничего, за что мне потом будет стыдно перед Хозяином. Он давно заметил: со мной происходит что-то неладное, и, кажется, видит, что я испытываю боль.

Сегодня перед отъездом Хозяин подошёл ко мне, погладил мою квадратную башку, почесал переносицу, хлопнул по лбу ладонью, словно это сигнал, и сказал: «Завтра я привезу Айболита, и всё будет хорошо». Только глаза у него были странные – боли в них было не меньше, чем я испытываю во время приступов. С Айболитом я знаком, он уже лечил меня и зашивал мои раны. Хозяин сказал: «Всё будет хорошо», значит, так и будет. А пока у меня есть время немного отдохнуть перед ночной сменой. Моя работа заключается в охране *территории*, нескольких зданий и машин, расположенных на ней. Так думает Хозяин, но я знаю: главное – это *территория*, никто не должен ступить сюда в его отсутствие.

Щенячья пора пробивается в моё сознание, как сон. Я чувствую любовь и тепло матери, её язык облизывает меня с головы до кончика хвоста. Расталкивая братьев и сестер, я приближаюсь к самому удобному и мягкому месту на её теле, утыкаюсь носом в шерсть и засыпаю...

...Меня тискают холодные руки, прячут под одежду; говорят, что я хороший подарок. Мамки рядом нет, я в другом месте и от непонимания происходящего и от страха писаюсь. Здесь очень шумно, люди передают друг другу какие-то бумаги, несколько раз звучит странное слово «граф». Вбегает мальчишка, сын хозяина, хватая меня на руки, тормозит и прижимает к себе, несёт к другим, таким же, как он, мальчишкам, и меня опять тискают, опрокидывают на спину, дёргают за хвост; я рычу и огрызаюсь...

Оказывается, Граф – это моя кличка. Я подросток, и хозяин водит меня на занятия – дрессуру; я уже знаю команды «сидеть», «лежать», «ко мне», «фу»; знаю, с какой стороны надо подходить к хозяину, когда он меня подзывает. С мальчишкой мы подружились, иногда ему разрешают погулять со мной, я тяну поводок, не обращая внимания на его команды, и только голос хозяина сдерживает меня. Я чувствую, что хозяйка боится меня, и мне это нравится, поэтому я часто не отвожу от неё глаз: мой вид и мой взгляд рождают в её глазах страх, который она пытается не показывать.

Иногда, если не видят хозяин с хозяйкой, ко мне подходит младшая сестра мальчишки, садится рядом на подстилку и прижимается к моей шее, а я в знак дружбы облизываю её лицо и руки. В один из таких моментов подбегает мальчишка и с криком: «Он мой!» отталкивает сестру от меня. Я держу его зубами за плечо, держу, не прокусываю! Мальчишка кричит от страха, его сестра плачет, вбегает хозяйка. Она набрасывается на меня, выхватывает мальчишку из моей пасти и кричит хозяину: «Убери его сейчас же из нашего дома! Он вырос и превратился в зверя! Я тебе говорила, что это случится!..» Я не понимаю, из-за чего шум и крики, но чувствую, что сделал что-то нехорошее...

Я привязан поводком к дереву – хозяин привязал и ушёл. Терпеливо жду его возвращения, уже хочу есть. Я знаю это место, недалеко площадка для выгула, мы с хозяином часто приходили сюда. Он спускал меня с поводка, и я обегал здесь всё вокруг, иногда теряя его из виду.

Первый день был лёгким, в самую жару густая тень дерева прикрывала меня от палящего солнца. Ночью к чувству голода прибавилась жажда. Но я не обращал на это внимания, я прислушивался к звукам, пытаюсь узнать среди них знакомые шаги хозяина. Я понимал, что обманываю себя, – мой нюх раньше, чем слух, подсказал бы его приближение, – но не хотел верить в то, что хозяин привязал меня к дереву, чтобы я не вернулся домой.

На второй день мимо прошли мальчишки. Они заметили меня, но приближаться не стали, а со словами: «Апорт, апорт» кинули мне ветку. Поняли, что я не обращаю на них внимания, засмеялись и ушли. Через мгновение с той стороны, где они скрылись, прилетел камень. Я взвизгнул не от боли, хотя она была ощутимой даже для меня; я не ожидал удара: за что? Я знал, кто бросил камень, я видел его глаза, полные страха и ненависти. Он не защищался сам, не защищал ни свою территорию, ни свою еду, ни, в конце концов, своего хозяина. Среди собак и, как я теперь понимаю, среди людей тоже встречаются такие шавки. Они не бросаются на соперника грудью, а, выждав удобный момент, стараются напасть сзади и вцепиться в ляжку или хвост.

Следующие несколько дней не отличались разнообразием, если не считать котёнка, который подошёл ко мне слишком близко. Голод я немного утолил, а вот жажда стала мучить сильнее. Я слышал лай собак и голоса их хозяев, доносившиеся с площадки для выгула. Иногда с наступлением темноты какое-то время слышалось журчание воды. Она заливала землю вокруг окружавших меня кустов и деревьев, но до того дерева, к ветке которого был привязан я, не доходила. Несколько раз мимо проходили мальчишки, они что-то кричали мне и гримасничали. Я не обращал на их кривляние никакого внимания, как не придавал значения боли от ран на голове и рёбрах. Один из камней разбил мне нос так, что кровь стекала в пасть, но сил, чтобы слизнуть её и спрятаться от жары в тень, не было. Мной овладела апатия – я понял, что хозяин меня *бросил*.

Очнулся я оттого, что мамка облизывала меня, как в детстве. Я приподнял веки и увидел лизнувшую меня в нос Чуму, рядом кругами бегал Гек. Старые знакомые по площадке для выгула... Остатки воспитанности придали мне сил, и я пошевелил хвостом в знак приветствия. Чума негромко тьякнула, Гек убежал. Её присутствие меня успокоило, и я опять провалился в забытьё. Чьи-то ладони поднесли к моему носу воду, отчего я пришёл в себя, открыл пасть, и капли попали в неё. По запаху я узнал хозяйку доbermanов Чумы и Гека Наташу. «Вставай, вставай сейчас же. Ты собака мясников, ты ротвейлер, ты сильный. В тебе ещё много силы... – одной рукой она держала мой поводок, а другой гладила меня по голове и строго, жёстко, но в то же время ласково говорила: – Встать! Пойдём домой!» Я с трудом поднялся. Со стороны

это было жалкое зрелище – худой, шерсть в кровавых ошметках, дрожащие хромающие лапы, на морде застывшая кровь из разбитого носа, потухший взгляд.

В первые дни я боялся выходить из дома, на меня накатывал ужас, когда Наташа брала поводки. Она защёлкивала один на Геке, второй – на Чуме и с моим поводком подходила ко мне: «Мы идём гулять. Тебе надо проветриться, а потом мы вернёмся. Я тебя не брошу!» В такие моменты я плохо понимал, что хотела внушить мне Наташа, но её уверенный голос успокаивал. Она не боялась меня, она знала, что меня не нужно бояться. Если соблюдать некоторые правила (не таскать меня за хвост, не открывать пасть, чтобы посмотреть, какое у меня чёрное небо, не отбирать еду) – это я так думал. Как оказалось, у Наташи были свои правила поведения для собак. Нельзя было: метить территорию в доме; на прогулке хватать с земли то, что покажется вкусным («Фу, Граф, это гадость, фу!»); встав на задние лапы, передними обнимать хозяйку. Я научился беспрекословно раскрывать пасть, если Наташа решала осмотреть мои зубы или отобрать мою добычу. Но главное правило – нельзя было, будучи спущенным с поводка и бегая по площадке, упускать Наташу из виду. Кстати, Чуму и Геку наказали в тот день, когда они нашли меня.

У Наташи мне понравилось. Воды и пищи было вдоволь, я отъелся. Конечно, не обошлось и без конфуза: на второй день моего пребывания там нос уловил запах похлёбки. С затуманенной от перенесённых жажды и голода головой, на ещё не совсем окрепших лапах я добрался до источника аромата – на полу у стены стояла кастрюля с дымящимся варевом, наполовину прикрытая крышкой. Сбросить её носом и приступить к трапезе было секундным делом. Я не сразу обратил внимание на то, что похлёбка горячая. Краем глаза я видел Геку, сидевшего рядом и равнодушно смотревшего на меня, но не хотел делиться ни с кем, даже с ним и с Чумой.

Вбежала Наташа с хлыстом в руках, я ощутил несколько хлёстких ударов по спине и лапам и только потом услышал её крик: «Ещё раз говорю: фу! Нельзя! Горячее!» Оскалившись, я попытался рыкнуть на Наташу, но в этот момент сознание прояснилось и пришло понимание: она меня не боится, я на чужой территории, по бокам присели готовые к прыжку Чума и Гек. Доберманы не скалились и не рычали на меня, но я знал: если они решат, что с моей стороны исходит угроза *хозяйке*, это будет последний миг моей собачьей жизни.

Рык застрял в обожжённой пасти, я поджал хвост, лёг на пол и положил лапу на нос, прикрыв глаза. Я не испугался доберманов и мне не было стыдно за свою несдержанность, я просто сделал то, чего от меня ждали: поджал хвост и упал на брюхо – признал, что территория чужая, и свою неправоту; прикрыл глаза лапой – люди расценивают это как раскаяние в содеянном. Наташа для закрепления урока ещё раз протянула меня хлыстом по спине, выбив из шерсти пыль, рассмеялась и сказала: «Да, так я тебе и поверила, артист. – Она осмотрела мой нос, раскрыла пасть и заглянула в глотку. – Удивительно, но, похоже, мы обойдёмся без лечения. У тебя что, глотка лужёная? Так, хорошо, час-полтора перевариваешь то, что сожрал, и купаться!»

Позже, вычёсывая из моей шкуры свалявшуюся шерсть, Наташа выговаривала мне: «На первый раз прощаю; вернее, это простительно тебе, учитывая, в какую ситуацию ты попал. Хозяин две недели не приводил тебя на площадку, и мы все решили, что он повёз тебя на выставку в другой город, как и собирался. А ты, оказывается, всё это время старался не сдохнуть. Подал бы голос, мы же были рядом! Ну да ладно, подлечу, подкормлю тебя, Гектор и Чумба присмотрят за тобой и напомнят некоторые правила поведения, а там, глядишь, и нового хозяина тебе найдём».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.